

A book cover featuring a close-up portrait of a man with short, styled brown hair and a light beard, looking intensely at the camera. Behind him, a woman with long, dark, wavy hair and blue eyes is looking towards the camera with a soft expression. She is wearing a white, ribbed top. The background is a soft, out-of-focus grey.

СЕЛИН СААДИ
АСЯ ПЕТРОВА

ПОСЛЕ РАЗВОДА

Его ребенок от другой

Ася Петрова
Селин Саади
После развода. Его
ребенок от другой

<https://litres.ru/74215518>

Аннотация

— Привет, Игорь, — мой голос хриплый, как чужой. — Я даже не знаю, как тебе сказать. Это прозвучит дико... но на пороге моей квартиры оставили грудного ребёнка с запиской, что он твой...

Молчание. Слишком длинное. Я почти слышу, как он судорожно втягивает воздух.

— Игорь, ты слышишь?! Я не шучу.

— Это... моя дочь, — его голос ломается. — Скажи адрес. Я скоро буду.

Два года назад мой мир разбился из-за предательства. Мы разошлись, перестали существовать друг для друга, и я была уверена, что наши жизни больше никогда не пересекутся. Пока в один день не обнаружила у своей двери шестимесячную малышку с запиской:

«Это дочь от твоего бывшего мужа. Я не справляюсь. Забери её себе».

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: сложные отношения, эмоции на грани, обязательный ХЭ

Героев ругать можно, авторов нет)

НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И
ПОСТАВИТЬ ♥# НАМ БУДЕТ ОЧЕНЬ ПРИЯТНА ВАША
ПОДДЕРЖКА!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4. Игорь	21
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8. Игорь	40
Глава 9	44
Глава 10. Игорь	50
Глава 11	55
Глава 12	60
Глава 13	64
Глава 14. Игорь	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Глава 1

Я открываю дверь, чтобы выйти за хлебом, и на секунду думаю, что на лестничной площадке кто-то оставил коробку с котятами. Маленькая люлька стоит прямо у моего коврика, и внутри что-то шевелится.

— Что за... — я замираю, сердце срывается куда-то вниз, в пятки.

Подхожу ближе, осторожно, будто в люльке может оказаться не ребёнок, а мина, готовая взорвать мою жизнь.

Но это не бомба. Это девочка. Совсем крошка, месяцев может шести. Большие серые глаза распахнуты так широко, что в них тонешь. Глаза, в которых нет страха, только любопытство и доверие. Маленький ротик расплывается в слюнявой улыбке, кулачок с силой держит уголок тонкого пледа, словно единственную защиту от этого мира.

Я делаю шаг назад, будто от пламени. В груди щемит.

— Нет. Нет-нет-нет. Это не со мной, это ошибка, — слова срываются шёпотом, но звучат так громко, что отдаются эхом в пустом подъезде.

Оглядываюсь вокруг, тишина. Подъезд пуст. Только лампочка над головой потрескивает, тускло мигая. Ни соседей, ни шороха за дверями.

Что это? Чья-то злая шутка? Камера?

Но нет, всё слишком настоящее, слишком весомое, чтобы

быть игрой.

И только потом замечаю аккуратно сложенную бумажку, заправленную в складки одеяла.

Руки дрожат, пока я разворачиваю её.

«Это дочь твоего бывшего мужа. Я не справляюсь. Забери её себе».

Холод пробегает по венам. Пальцы немеют. Бывшего мужа. Ребенок Игоря.

Имя, которое я два года вытравливала из себя, словно яд. Имя, после которого комок обид и унижений до сих пор сидит в горле. Имя, от которого я бежала, когда хлопнула дверью и больше никогда не вернулась.

И вот он снова здесь. Не сам — а его ребенок.

Я сглатываю, чувствую, как колени становятся ватными. Опираюсь о стену, иначе просто рухну.

— Какого чёрта? — губы едва шевелятся, но во мне всё кричит.

Снова смотрю в люльку. Девочка тянет ко мне руку. Маленькие пальчики разжимаются, будто зовут. Словно она всё это время ждала именно меня.

И в этот момент меня пронзает странное чувство: страх, отчаяние и необъяснимая нежность — всё сразу.

Не смотри на неё так. Это не твой ребёнок. Это не твоя жизнь.

Но разум и сердце начинают спорить прямо здесь, в холодном подъезде, где стены давят, а лампочка над дверью

мигнет так, будто подшучивает надо мной.

Я поднимаю люльку. Она лёгкая, словно внутри сама пустота, и именно это чувство весит на мне тяжелее всего. Паника накрывает с головой: что я должна делать? Вызвать полицию? Соцслужбы? Позвонить... ему? Этому человеку, которого я поклялась больше никогда не видеть?

Я ставлю люльку на стол, руки дрожат так, что телефон едва не выскальзывает.

Набираю номер и тут же сбрасываю. Нет. Я не буду. Я не готова снова слышать его голос. Не готова снова оживлять мёртвое.

Наливаю себе воды, делаю глоток, и вода будто превращается в камень, застревая в горле. Девочка смотрит на меня так пристально, словно всё понимает. Смотрит слишком внимательно для ребёнка, и я чувствую, как внутри меня поднимается паника. Она тихо начинает хныкать. Я тянусь к люльке и тут же отдёргиваю руку, словно обжигаясь.

— Ну почему именно я? — вырывается у меня. Голос звучит чужим, почти сорванным. — Почему у моей двери?

Но ответ внутри я знаю. Потому что я та, что когда-то любила его до беспамятства. Та, что поверила первому предательству, не проверив, не дослушав. Та, что ушла, хлопнув дверью, будто этим можно вычеркнуть прошлое.

Я всё же набираю его номер. И на третьем гудке он отвечает.

— Анна?..

Мир рушится. Его голос застревает внутри меня как нож, как плоть, как пощёчина из прошлого. Я думала, что забыла его тембр, а оказалось он всё это время жил во мне, просто спрятанный слишком глубоко.

— Привет, Игорь, — мой голос хриплый, как чужой. — Я даже не знаю, как тебе сказать... В общем, не подумай, что это бред, но на пороге моей квартиры оставили ребёнка. И записку, что это твой ребёнок.

Молчание. Слишком длинное. Я почти слышу, как он судорожно втягивает воздух.

— Игорь, ты слышишь? Я не шучу.

— Это... моя дочь. — Его голос ломается. — Господи... Вот сука! Ань, я приеду сейчас, слышишь? Скажи адрес. Я скоро буду.

Я сжимаю телефон так, что пальцы белеют, костяшки ноют. Называю адрес. Кладу трубку, и всё вокруг на миг будто замирает.

Я смотрю на девочку внимательно, словно пытаюсь выучить её лицо, каждую черту, каждый изгиб маленьких губ. Она не плачет, даже не капризничает, хотя я — чужая. Нет, она смотрит прямо на меня, изучает, как будто мы знакомы давно. И это пугает ещё сильнее.

В голове крутятся вопросы: она голодная? Когда последний раз ела? Сколько часов провела под моей дверью? Почему никто не услышал?

Я сглатываю вязкий ком, тянусь к ней снова и на этот раз

не отдёргиваю руку. Подсовываю ладони под плед, под её маленькое тельце.

— Ну что, крошка... давай аккуратно посмотрим, всё ли хорошо.

Она такая лёгкая, что я держу её, словно хрустальную вазу, боясь даже дышать громко. Укладываю на кровать, осторожно развернув плед. Осматриваю каждую складочку её тела, каждый пальчик, в панике ища синяки или следы боли.

Сердце колотится, но когда понимаю, что с малышкой всё в порядке, мне впервые становится легче дышать.

— Игорь! — снова звоню ему, голос мой уже сорванный. — Заедь в магазин. Купи смесь. Я не знаю, когда она ела в последний раз.

— Ань, я не знаю, какую брать!

— Я тоже не знаю! — почти кричу в трубку. — У меня нет детей! Чёрт... Посоветуйся в аптеке! Только быстрее!

Я сбрасываю вызов, и мы остаёмся вдвоём. Я и она.

Малышка сопит, смотрит на меня так серьёзно, будто судит. А у меня внутри всё крутится в буре страха, нежности и абсолютного непонимания, что теперь будет.

Потому что Игорь едет. И когда он войдёт в эту дверь — моя жизнь снова расколется на «до» и «после».

Глава 2

Укладываю ребёнка снова в люльку, будто бы боюсь лиш-
ний раз её коснуться. Сажусь напротив.

Девочка что-то говорит на своём языке, рассматривая всё
вокруг, в том числе и меня. А я, не сводя взгляда и не моргая,
наблюдаю за ней.

Что делать-то? Как вообще быть?

Я ведь должна сообщить и в полицию... По крайней ме-
ре, в излюбленных матерью передачах на российских кана-
лах так и поступают.

Или сначала дождаться Игоря? Он ведь сказал, что это
его дочь... Значит, полиция не нужна. Но ребёнка оставили
одного, и неважно, его ли ребёнок или нет. Главный вопрос:
где её мать?..

Вновь тянусь рукой к записке, расправляя бумагу. По-
следние слова «забери её себе» режут не то чтобы слух, а
буквально моё сознание, мысли и принципы.

Как так можно взять и забрать? Как вообще можно вот
так оставить ребёнка?

Я не лезла в жизнь бывшего мужа всё это время. Не знала,
что с ним, где он и как. Да, остался номер, но наши вселен-
ные всегда были слишком разными.

Я школьный учитель, а у Игоря строительная фирма. Ка-

залось бы, мы вообще никогда не должны были встретиться...

И сейчас я бы рада, чтобы это оказалось так. Отмотать назад, будто не было всего того, что случилось со мной.

Не было измены, его равнодушного взгляда, когда я сказала, что хочу развестись с ним. Будто бы любовь, которую я себе рисовала, оказалась какой-то выдуманной сказкой. Словно её и не было наяву, а я, наивная, идеализировала его, себя, нас...

Телефон в вспотевших ладонях вдруг оживает вибрацией, и, думая, что это он подъехал, я с тревогой смотрю на экран.

— Да, мам, привет, — беру трубку, вновь с опаской поглядывая на девочку.

Она играет с игрушкой, которая висит на ручке люльки, и я удивляюсь тому, насколько спокоен ребёнок. В то время как меня, в прямом смысле, всю трясёт.

Я ведь абсолютно не умею обращаться с детьми. Не то чтобы я глупа, но благодаря работе учителем я вполне могу справляться с ребятами постарше. А когда это младенец... я ведь и не прожила опыт материнства.

До сих пор.

С Ярцевым в браке мы не планировали детей. Точнее, он хотел подождать, потому что его бизнес занимал тогда все силы. Конкуренция безумная, а он говорил о желании обеспечить нашу жизнь. «Надо устояться на этом поле битвы»,

— говорил он мне. И я слушала, верила, ждала... а потом хоп! И не осталось ничего, всё оказалось пустым.

И вот на моём пороге девочка, которая со своими огромными тёмными глазами будто никому не нужна.

— Ань, я тут хочу выбраться на пару дней... Казань или Калининград, как думаешь?

— Мам, я не помощник. Выбирай по погоде, — пытаюсь хоть как-то ей помочь, хотя сама всё ещё разглядываю девочку, будто это нечто невозможное на планете Земля.

— Хм, с этой стороны я не думала. Калининград подороже, пенсии не хватит билеты за раз купить... — она рассуждает, медленно проговаривая слова.

— Мам, я немного... — не пойму, что хочу сказать, поэтому замолкаю.

Говорить ей об Игоре точно не стоит. Потому что иначе можно будет оставить трубку на столе, вернуться к ней через пять минут, а там всё ещё будут агрессивные убеждения, что мой бывший муж тот, кого надо сжечь на костре.

И ключевое: «Как я вообще повелась на этого бабника?! Там же на лице всё написано!».

Впрочем, сейчас я согласна с этим. Статная внешность альфа-самца, тёмные волосы, густые нахмуренные брови и, главное, взгляд, способный выбить дух.

Причём неважно, демонстрирует он власть и статус или соблазняет.

И я сопротивлялась до последнего, когда уже понимала: это то самое, чего я так долго ждала. Любовь.

Однако два года назад всё превратилось в щепки. И именно мать, которая со скепсисом смотрела на Ярцева с самого начала, помогала мне пережить это время.

Я не знаю, по какой причине они так и не смогли сойтись. А может быть, они даже не пытались, а я старалась не придавать этому значения. В конце концов, уж не матери с ним жить, говорила я себе. Но как оказалось, и моё счастье длилось недолго. И ведь много слов о любви длиною в три года... А я ведь верила, что это всё не вымысел.

— Что у тебя случилось? Небось опять в своих тетрадках копаешься...

Да, помимо моего ужасного бывшего, у меня ещё и неблагодарная работа. Вопрос только, для чего сама же, в своё время, настаивала на педагогическом?

— Мам, давай не сейчас, — лицо незнакомой малышки искажает гримаса, и ощущение, что сейчас на всю квартиру разразится ор. — Я перезвоню...

Однако девочка удивляет: снова своими огромными глазами смотрит на меня. Видимо, то, как резко я подскочила, отвлекло ребёнка.

Наклоняюсь к ней ближе, замечая пристёгнутую соску и протягиваю её, вдруг она уже проголодалась или просто ищет пустышку. Она же с упоением хватает её, и я заметно выдыхай, потому что хватает буквально пары минут, чтобы

она закрыла глаза.

Боже. Я ведь абсолютно ничего не знаю.

Слышу звонок домофона и, оставив люльку, быстрым шагом двигаюсь, чтобы открыть дверь.

Внутри — полный разгром.

С одной стороны, ладони потеют от того острого волнения, которое хлётко бьётся внутри, словно волны о скалы. С другой стороны, я зла, растеряна и нахожусь в полном непонимании.

По системе, я должна сейчас вместе с ним вызвать органы опеки и полицию. Но я совершенно точно не хочу участвовать во всём этом. Это ведь даже не моё дело, в конце концов. Только девочку-то оставили именно мне...

Открываю замок на входной двери и нервно оглядываюсь на комнату, будто малышка сама выйдет ко мне. Я закусываю губу.

Первая встреча спустя два года после развода. У меня в квартире. Где мне подбросили его дочь.

Разве это похоже на реальность?

Дорогие читатели!♥#

Приветствуем вас в нашей с Асей Петровой новинке!

Будем бесконечно благодарны вашей поддержке!

Ниже наглядная инструкция, как оставить лайк и добавить книгу в библиотеку♥#

Глава 3

— Аня... — Игорь застывает на пороге моей квартиры, скользит по обстановке беглым взглядом и тут же возвращает глаза ко мне. Дальше он уже не отрывает их, будто сверлит, словно в первый раз видит. — Прекрасно выглядишь. Я войду?

Его комплимент не проникает в душу, не трогает, а только царапает память. В устах Игоря это звучит не как признание, не как тёплое чувство, а как дежурная вежливость старого знакомого, с которым когда-то было всё — и страсть, и планы, и общая жизнь.

Я держусь ледяными пальцами за дверную ручку, сжимаю её так, будто это последняя точка опоры в реальности. Костяшки белеют. Сердце рвётся наружу, но я делаю усилие и отступаю на шаг назад, впуская его в квартиру.

Он переступает порог и замирает. Не идёт дальше, вглубь, туда, где за дверью люлька и его дочь. Мы зависаем в тесном коридоре, почти плечом к плечу, будто пробуем, способны ли дышать одним воздухом после всего, что между нами было. Время как будто сжимается, сведя нас в точку, где нет прошлого и будущего, только это странное, почти невозможное «сейчас».

Игорь первый берёт на себя удар. Я молчу, слишком окаменевшая от напряжения, чтобы следовать хоть какому-то

сценарию.

— Я благодарен тебе, что ты позвонила сначала мне, а не стала решать вопрос через органы. Было бы много хлопот и проблем, — его голос ровный, но я улавливаю в нём усталость. — Где ребёнок?

— Она там, — заледеневшей рукой указываю в сторону комнаты.

Он идёт вперёд. Я же остаюсь на месте, в коридоре, чтобы закрыть дверь, и хотя бы попытаться выдохнуть. Но выдоха не выходит. Лёгкие утяжелились, и теперь воздух застрял внутри. Каждая мышца тела напряглась, стала жёсткой, как металл, и больно отдаёт тупой ломотой в костях.

Только спустя пару мучительных минут уговоров самой себя я решаюсь шагнуть следом. Сердце стучит так, что я почти слышу его в ушах.

И вот, картина, которая на миг выбивает меня из равновесия.

Игорь стоит, держа на руках девочку. Его лицо смягчается, а улыбка самая настоящая. Он улыбается искренне. А малышка смотрит на отца своими огромными, бездонными глазами. В них и удивление, и любопытство, будто она впервые встречает свою вселенную, пытается запомнить каждую черту, каждую линию его лица.

Я стою в дверях, ощущая себя совершенно чужой в этом маленьком мгновении их близости. И от этого ещё больнее.

Будто гостя на чужом празднике, та, что украдкой загля-

нула на страницу чужого счастья и теперь оказалась лишь невольным свидетелем.

И ведь когда-то я сама очень хотела родить от Игоря...

Всё у нас получилось изначально слишком гладко, слишком красиво, что я потеряла бдительность и, не раздумывая, окунулась в эти отношения с головой.

Я никогда не считала себя некрасивой. Наоборот, знала, что у меня миловидное лицо, аккуратные черты, чистая кожа, длинные шелковистые волосы, которые всегда собирали комплименты. С подростковых лет парни проявляли внимание — и в школе, и в университете.

Наш педагогический соседствовал с институтом физической культуры, и оттуда будто каждый второй был готовый герой с обложки. Высокие, спортивные, сильные, выбирай любого. Но я росла в другой атмосфере, под крылом матери-одиночки.

Отца своего я ни разу не видела. Даже имени его не знаю. Мама запрещала поднимать эту тему, словно там таился какой-то мрак, который не следовало тревожить. Отчество у меня от дедушки, как и фамилия. Дедушка заменил мне отца во многом, он был моим главной мужчиной в детстве. Оберегал, любил, заботился, а потом ушёл, не дождавшись моего выпускного.

Наверное, именно поэтому я мечтала о настоящей, большой, единственной любви. Такой, что раз и навсегда. Мне хотелось крепкой семьи, целого дома, полной чаши, где есть

мама, папа и дети.

Да, многие твердили, что верить в сказки взрослой женщине — глупо. Что можно так и прожить всю жизнь, упуская реальность. Но я упорно верила, что это случится. Если нет, то лучше быть одной, чем тратить годы на пустые отношения, где нет того самого чувства. Я не хотела повторить судьбу матери. Я не хотела быть несчастной.

И дотянула до своих около тридцати. Именно тогда я встретила Игоря.

Случайно. Банально. Мы столкнулись в магазине, обменялись парой фраз. А после — переписки до поздней ночи, звонки, встречи, страстные объятия. Я теряла голову, и он словно подхватывал меня, обещая, что падать больше не придётся. Итогом стал брак.

Была ли я счастлива? Безбожно.

И, увы, также безбожно наивна.

Игорь любил меня. По крайней мере, делал многое для того, чтобы я это чувствовала. Он говорил правильные слова, касался так, что внутри всё замирало. Но как оказалось, в нашем мире это совсем не гарантия верности.

Когда именно начались его измены, я не знаю. Я не искала доказательств, не рылась в деталях. Я боялась вглядываться глубже, потому что каждая подробность только разрывала бы меня сильнее.

И вместе с этими изменами я похоронила и свою идею о

вечной любви, о том самом «раз и навсегда». Всё оказалось зыбким, с трещинами и оговорками, в которых утонуло наше «навечно». Мы разошлись.

А теперь он вновь здесь.

Мужчина, от которого я мечтала родить детей, чтобы у них были такие же большие, красивые глаза, как у этой крошки.

Но правда в том, что родила эту девочку не я. А другая.

— Она похожа на тебя.

Игорь оборачивается в мою сторону, и в его взгляде читается нескрываемая нежность. Тёплая, искренняя, почти до боли знакомая. Он любит этого ребёнка. В этом нет ни малейшего сомнения, это видно в том, как он держит её, как улыбается, как будто мир сузился только до этих крошечных глаз и пальчиков.

— Папина доча... — качает головой, и голос его слегка дрожит, будто с трудом удерживает ком в горле. — Ты не представляешь, как я рад, что она нашлась. И я рад... — он делает паузу, словно перебирает внутри сотни фраз и останавливается на одной, — Что моя дочь оказалась в надёжных руках.

Я молчу. Губы пересохли, язык прилип к нёбу. Пытаюсь найти хоть какое-то слово, хоть какой-то правильный ответ, но всё внутри сопротивляется, отказывается подбирать формулировку. Кажется, что любое сказанное мной предложение прозвучит нелепо или не к месту.

Благо вспоминаю о том, что просила купить смесь.

— А ты не купил смесь? — выдавливаю, наконец. — Я думаю, её сто́ит покормить. Кстати... как зовут малышку?

— Точно, смесь... — спохватывается он, но не спешит. — Она внизу, в машине. Сейчас сбéгаю. А дочку зовут...

И вдруг застывает. Будто слова застревают у него в горле. Лицо напряжено, взгляд ушёл внутрь себя. И тишина между нами становится такой густой, что слышно, как тикают стрелки на кухонных часах.

Проходит секунда. Потом ещё. Я жду. Но вместо ответа он неожиданно аккуратно передаёт мне ребёнка на руки. Его ладони задерживаются на мгновение дольше, чем нужно, словно он не может оторваться.

— Какое тебе нравится имя? — тихо, почти шёпотом. — У тебя хороший вкус. Подумай пока, я за смесью.

Я замираю, не успеваю даже возразить. Что значит «придумай»?.. И при чём здесь я?

Он же не думает, что я стану воспитывать его дочь от другой?

Абсурд. Чистейший абсурд.

Глава 4. Игорь

— Идрицкую в КГА согласовали? — жду ответ от ведущего менеджера.

— Нет, город только взял в работу, по их меркам ещё месяц...

— Надо ускорить. Съезди лично, не через посредников, — не скрываю недовольства.

Строительство этого объекта с самого начала пошло по одному месту. Теперь ещё и начать не можем. Единственное, что смогли — это установить табличку и ограждения. Даже не считаю работу трактора начатой, потому что там яма-то метр. Ещё копать и копать.

Это при всём при том, что застало меня это врасплох в самый неподходящий момент. Впрочем, как и бывает.

Указываю головой на выход, а сам с силой облокачиваюсь на кресло.

Бессонница даёт о себе знать уже на протяжении почти полутора лет. И вроде бы надо что-нибудь сделать, но нет времени. А может, я таким образом наказываю себя. Но этот извечный поиск ответов в глубокой тишине пустой квартиры, это стало неотъемлемой частью моей жизни.

За последние два года жизнь стала напоминать поистине какой-то фильм. А я, мать его, и сам не заметил, как оказался главным его героем.

На столе чашка с остывшим кофе. Смотрю на неё, зная, что на вкус это лучше даже не пробовать.

— Начальник? — слышу, как дверь открывается, и там показывается голова Астахова.

— Проходи, — киваю на стул напротив.

— Чё опять размышляешь? — мгновенно читает он мою физиономию.

— А ты бы сам что делал? — вздёргиваю бровь.

Он садится в кресло, хмыкая в голос.

— Хрен знает, Игорян, но то, что она тварь — это не обсуждается, — глаза Руслана сверкают, а я усмехаюсь.

Знал бы я это раньше, то никогда бы не позволил появиться в своей жизни. Никогда, мать её.

Снова начинаю вспоминать и снова берёт злость. Лютая и бесконтрольная, как сила урагана.

— Значит, я вовремя, судя по твоим желвакам на морде, — указывает пальцами. — Хорош работать, пятница. Погнали развлечёмся, в конце концов. И похер на этих баб, — в нём сейчас говорит собственная драма, потому он вдруг заделался в тусовщики.

По факту же, его ещё буквально год назад было из дома не вытащить. Хотя, о чём я, чёрт возьми. В то время мы оба только и могли, что напиваться вусмерть в собственных квартирах.

— Рус, — он почти закатывает глаза. — У тебя вон секретарша новая, — усмехаюсь, вспоминая эту даму с бюстом.

— Лично отбирал, — с наигранной гордостью посмеивается он.

И на самом ведь деле сейчас включает шута, а глаза серьёзные и пустые.

Впрочем, могу его понять. И сам грешу.

— Давай позже обсудим, — указываю на кипу папок с текущими объектами и листом сводки по срокам.

— Я и так могу тебе рассказать, — отмахивается он.

Но он потом мне в красках расскажет про финансы, а я сейчас хочу посмотреть почти физический результат проделанной работы.

— Что там у тебя нового по разводу? — спрашиваю о больном, потому что если не спросить, ни один из нас не расскажет о себе и своих проблемах.

А иногда просто необходимо высказаться, потому что иначе можно сдохнуть от этих давящих эмоций.

— Она и слушать не хочет, — спустя паузу озвучивает он. — И, блядь, виват, признаю, но то был, сука, секундный пьяный порыв...

— Сам ведь знаешь на подкорке, что в какой-то степени она права...

Рублю неприкрытую правду. Он даже морщится от того, как ему неприятно. Но кто, если не я.

— Уж не тебе советы раздавать, — звучит следом.

Он прав. Моя жизнь ещё более запутанна, чем его. И как бы, сука, я ни пытался распутать этот клубок — чёрта с два

у меня выходит.

— Вали давай, по поводу вечера обсудим...

Он встаёт, а телефон как раз в этот момент издаёт звук входящего звонка.

Смотрю на номер и глазам не могу поверить. Я ведь даже и не помню, когда в последний раз этот контакт мне звонил.

— Что там? — заметив моё лицо, останавливается Астахов.

— Аня...

Он удивлённо вскидывает брови и кивает на смартфон, пока я, как идиот, жду, будто это не наяву.

Нажимаю ответить в неверии от того, что слышу её голос. А когда она, наконец, говорит про истинную причину её звонка, внутри будто пороховая бочка летит вниз. А в момент, как встречается с асфальтом, мощнейший взрыв разносится на округу, уничтожая всё вокруг.

Именно эти ощущения со мной, когда я слышу, что мой ребёнок у Ани.

Моя дочь. Наконец. Нашлась.

Глава 5

Игорь возвращается довольно быстро, и я машинально передаю ему в руки ребенка, хотя пальцы мои дрожат. Сама по инструкции пытаюсь правильно развести смесь, будто это самый важный экзамен в жизни. На кухонном столе лежат весы — те самые, что я купила, когда маниакально следила за порциями во время диеты.

Теперь диета не нужна. На нервной почве я и так сбросила десять килограммов. Под одеждой не осталось и следа от прежних округлых бедер и налитой груди, лишь пустота, обтянутые кости и тень женщины, которой я была. Но внешность меня больше не волнует. Какая разница, как ты выглядишь? Какая бы ты ни была красавица, самой прекрасной, самой желанной, твой муж все равно найдет, куда засунуть свой орган.

Игорь нашел. И я не виню.

Спасибо, что показал мне правду до того, как у нас появились дети. Уходить одной куда проще, чем с младенцем на руках.

Впрочем, ирония судьбы такова, что сейчас в моей квартире все же есть ребенок. Его ребенок. Но не от меня.

— Ну что, Анют? Придумала?

Его голос раздается за спиной неожиданно, режет, как стекло, и я едва не вздрагиваю. Мерная ложка выскальзывает

из пальцев, смесь сыпется на столешницу белым порошком. Я оборачиваюсь, вскидываю удивленно и растерянно брови, и совсем не понимаю, о чем он.

— Имя ей придумала? — кивает он на улыбающееся беззубое лицо. Малышка, сидящая у него на руках, гулит, ловит губами воздух, разглядывает комнату широко раскрытыми глазами, и от этого вида у меня сердце дергается больно и нежно одновременно.

— Я и не должна этого делать, Игорь, — холодно отвечаю, стараясь не смотреть на ребенка. — Надеюсь, это шутка. Имя своему ребенку должен придумать ты. И ее мать тоже может тебе в этом помочь.

— Не может, — обрывает он резко, сухо, как будто отрезает ножом. В его голосе нет ни объяснений, ни желания обсуждать.

— И всё же, меня это не касается.

Я намеренно отстраняюсь, не ввязываясь в разговор. Я не хочу знать, куда делась мать малышки, не хочу знать, почему ребенок оказался у меня под дверью, и уж тем более не хочу понимать, какого черта вообще происходит. Потому что если я позволю себе любопытство, придется углубляться в его жизнь. А я не хочу.

Не хочу снова тонуть в этом человеке, чтобы потом быть выброшенной на берег, когда ему надоест.

Не хочу быть частью его новой истории с другой женщиной.

Ведь выбор был сделан.

Когда я уходила, Игорь не остановил меня. Он принял мой уход спокойно, будто посчитал его логичным и взрослым решением. А я уходила не взрослой — уходила вся в огне, сжигаемая болью и любовью, которые пожирали меня изнутри, оставляя обугленную пустоту.

Но и остаться я не могла. Простить тоже. Хотя какое может быть прощение, если никто даже не подумал извиниться?

— Держи, — протягиваю бутылочку в руки бывшему мужу. Хорошо еще, что он догадался ее купить, потому что я понятия не имею, чем бы мы сейчас вообще кормили ребенка. Этот сумбур в голове выводит из себя. Я отчаянно хочу собраться, вернуть себе контроль над ситуацией, но все валится из рук, мысли путаются, и получается из этого сплошное "очень плохо".

Игорь осторожно прикладывает бутылочку к вишневым, чуть потрескавшимся губам крохи, и она жадно вцепляется в соску, с жадностью заглатывая смесь, захлебываясь счастливыми звуками и сверкая огромными глазами.

Я не могу оторвать взгляд. Любуюсь красотой этой девочки. Говорят, что младенцы все похожи, одинаковые комочки, но я вижу здесь стопроцентное сходство с Игорем. Те же черты, что когда-то сводили меня с ума. И именно поэтому ребенок кажется мне еще более... опасно привлекательным.

— Может, Амелия? — негромко произносит он. — Бу-

дешь Амелией, зайчик?

Ребенок даже не отрывается от бутылочки, продолжает сосать, будто улавливает тепло и спокойствие от этого процесса.

— Что думаешь, Аня? Как тебе Амелия?

— Игорь... прошу тебя, — выдыхаю. — Это твой ребенок.

— Тебе сложно мне помочь с выбором имени? — его голос вдруг становится жестким, строгим, как приказ.

Его слова пригвождают меня к полу. Я хочу вспыхнуть, заорать, кинуть в него всё, что под руку попадется. Хочу закричать, что он не имеет права ничего от меня требовать. Не имеет права командовать мной.

Но рядом ребенок. Маленький, беззащитный. А напугать его, это последнее, чего я хочу.

— Амелия... отличное имя, — говорю сквозь зубы, только чтобы он отстал.

Но он не останавливается. Его следующее предложение обрушивается на меня, как удар, добивая и так истерзанное сердце.

— Так ведь ты мечтала назвать дочку?

— Что? — неверяще качаю головой.

— Помнишь? — его голос мягче, но от этого только больнее. — Мы как-то обсуждали, как назвали бы наших детей. Ты сказала, что сына хочешь назвать Максимом или Семёном, а дочку Амелией. Вот. Я запомнил. Амелия и правда ей подходит.

— Господи, Игорь, — не выдерживаю накатившую бурю и почти срываюсь, — Что ты несешь? Ты с ума сошел? Я никак не отношусь к этому ребенку! Никак! Прошу тебя, докорми её и уходи. Вместе с ней.

— И всё же, Амелия ей подходит, — будто не слышит он, упрямо повторяя одно и то же, словно мантру.

А у меня внутри за секунду вырастает стойкое, звериное желание ударить его. Сильно. Больно. Чтобы хоть так пробить эту стену безумия, вернуть его в реальность. Чтобы перестал нести чушь и перестал дергать за живое то, что я так долго пытаюсь в себе убить.

Глава 6

Просто не верю в то, что он сказал мне это... прокручиваю слова, не давая себе возможности успокоиться. Не обращаю и внимания на сильно сжатые кулаки, нетронутую кружку зелёного чая с жасмином.

Я действительно помню тот день. Мы возвращались, он, кажется, забрал меня с работы у школы. Разговор о том, как прошёл день, и я рассказала ему, что у одной моей ученицы родилась сестра. Но шок ситуации был в том, что они ждали мальчика, а родилась девочка.

И тогда Игорь с тёплой улыбкой, что излучали его глаза, взяв меня за руку, спросил, а кого хочу я.

Я никогда не задумывалась на этот счёт, именно по полному признаку, а не в отношении ребёнка как такового. И тогда, в остановившемся на светофоре автомобиле и спросив себя, я в первую очередь выбрала девочку. Ярцев тогда просто кивнул, а я уже продолжила развивать тему и сказала, что девочку назвала бы Амелией. Тот разговор закончился его словами о том, что у нас обязательно когда-нибудь будут дети.

Я тогда их расценила, как отмазку, отказ от этой идеи ещё на стадии разговора. Однако наивно утешала себя тем, что ведь он сам спросил. Не я тянула его за язык.

И, видимо, я была не той, кем бы он хотел видеть мать

своих детей. А как только он увидел подходящую кандидатуру, так недолго думая, решил, что он уже готов.

Сжимаю виски, чувствуя, как снова завожусь. А когда слышу шаги, то отняв руки от лица, сажусь неестественно ровно.

— Уснула наконец... — выдыхает он.

А мне, если честно, хочется кричать изо всех сил, чтобы он убирался прочь с моей квартиры.

— Ань, — садится напротив, чувствуя себя абсолютным хозяином этого мира: — Я не знаю, что сказать... Как тебя отблагодарить...

— Уйти, — перебиваю его: — Это было бы идеальным вариантом. Но я уже вызвала полицию... Уж не знаю, приедут ли они сразу с органами опеки...

Беру телефон, а Игорь останавливает меня, накрыв своей ладонью. Прикосновение отдаётся разрядом прямо в сердце, и я машинально отдёргиваю руку. Он на секунду мешкается, но берёт себя под контроль.

— Аня, я ищу свою дочь уже на протяжении долгих месяцев... — хмурюсь, услышав его, но не даю ни сочувствия, ни тем более любопытству выйти наружу.

Я не хочу ничего чувствовать. Хочу выглядеть сейчас бездушным роботом, чтобы никоим образом не эмоционировать.

Он и так забрал у меня многое. Способность верить и любить. Я везде ищу подвох, держусь подальше от отношений,

уговаривая себя, что мне комфортно. Только незадача в том, что я хочу семью. Хочу плечо рядом, хочу в обнимку по вечерам болтать, прогуливаться, гуляя с собакой. Только вот ни собаки, ни плеча в моей жизни нет.

— Я тебя попрошу... — наконец, реагирую на его слова.

Я замечаю, что мужчина взволнован. Это хоть и не отражается на лице, которое за эти два года стало более упрямым. Из того, на что ещё упал мой взор это стрижка, которую он точно сменил, а с правой стороны появилось пятно седеющих волос.

— Не вдаваться в подробности, это не моё дело. Ты расскажешь всё участковому...

Отворачиваюсь, скрещивая руки на груди.

— Мы так и будем молчать до их приезда? — спрашивает он через секунду.

— Да, это самая лучшая идея...

— Почему? — ощущение, что он испытывает меня: — Потому что ты не хочешь отвечать? Или потому что до сих пор обижена на то...

— Я не обижена, Игорь, — перебивая, посылаю в него взгляд: — Жизнь меня не готовила к такому повороту. Более того, я точно не желала встретить тебя вновь.

— Жаль... я вот рад тебя видеть, — он наклоняется ближе к столу.

А я неверяще усмехаюсь. Как у него ещё хватает наглости...

— Нет, нам и вправду лучше молчать.

Будь у меня больше силы, как физической, так и моральной, я бы и вправду его ударила. Собрала бы все силы в этот удар, всю боль и разочарование вместе с дурацкой любовью, в которую я поверила.

— Аня... Я понял, не хочешь говорить, но я всё равно скажу, — качает Ярцев головой, будто я сейчас веду себя неправильно: — Еще раз, спасибо, что позвонила. И у тебя очень уютно... -- озирается он по сторонам, -- Пока к нам едет наряд расскажи, как живёшь, всё ещё в школе работаешь?

Он ведёт себя как ни в чём не бывало, а меня выводит из себя этот по-свински вежливый тон. Нашёлся мне приятель.

— Ты со всеми, кому изменял, настолько учтив? — бросаю ему, скрещивая руки на груди.

Лицо Игоря мгновенно приобретает острые черты. И без того упрямого вида оно становится ещё более жёстким и бескомпромиссным.

Он поднимается со стула, двигается на меня, будто бы хочет исполнить какой-то свой приговор. Но резкий звук домофона останавливает мужчину, а я срываюсь с места, чтобы открыть дверь полиции.

Сейчас это всё закончится. И он безвозвратно исчезнет из моей квартиры, жизни, и хочу верить, мыслей.

Глава 7

В квартиру заходит участковый, неторопливо, с хмурым выражением лица. Сразу показывает удостоверение и действует исключительно по протоколу, четко, сухо, будто в этих стенах он уже не раз видел чужое горе и устал от него. Его ботинки скрипят по полу, звук будто подчеркивает серьезность происходящего.

Он тщательно осматривает место происшествия, а именно порог моей квартиры, где я нашла малышку. Приседает, проводит пальцами по полу, словно и правда там может быть что-то еще. Потом берет из моей протянутой руки записку, вертит ее в разные стороны, морщит лоб, словно я могла не заметить важные улики. Его взгляд сосредоточен, тяжел, будто прожигает бумагу и меня одновременно.

Достает папку, неторопливо раскрывает, вытаскивает чистый лист и начинает заполнять протокол, строчка за строчкой описывая ситуацию. Скрип его ручки о бумагу кажется слишком громким в тишине квартиры.

Игорь дважды пытается вмешаться в ход дела, то шаг вперед, то короткая реплика, но участковый даже бровью не ведет, выглядит предельно собранным и серьезным, не вступая в споры и не позволяя себе лишних слов.

Я чувствую напряжение исходящее от Игоря. Он то присаживается на стул, то тут же вскакивает, меряя кухню раз-

машистыми шагами. Его фигура будто стиснута в стальной обруч: плечи напряжены, руки спрятаны в карманы брюк, а взгляд острый. Он периодически возвращает его на меня, словно пытается мысленно передать слова поддержки, но я их не слышу. Я лишь чувствую, как сама начинаю дрожать внутри.

Иногда он бросает быстрый взгляд на часы, проверяя время. Я знаю, что Игорь человек загруженный, у него работа, встречи, люди, которые ждут. Но сейчас он здесь. И несмотря на торопливость, на рвущуюся наружу деловую суету, видно, что найденная наконец-то дочь для него важнее всего.

Приоритет. Единственный.

Участковый между тем выпытывает у меня все до мельчайших подробностей: как я нашла ребенка, что именно увидела, слышала ли что-то, были ли другие свидетели. Его вопросы повторяются по кругу, словно он проверяет меня на вранье. И я дважды, а то и трижды, твердой скороговоркой повторяю одно и то же. Но внутри уже начинается дрожь, нервозность. Ощущение, что блюститель закона словно не доверяет ни мне, ни Игорю, и это гложет, даже обижает. Мы ведь оба выглядим прилично, адекватно, мы — не те, кто способен бросить ребенка.

— Скажите, пожалуйста... — я наконец аккуратно прерываю участкового, когда он в очередной раз задает уточняющий вопрос. Голос предательски дрожит. — Что дальше будет с ребенком?

Он поднимает на меня тяжелый взгляд, чуть щурится, словно взвешивает каждое слово. Потом медленно оборачивается на Игоря, который каменной глыбой нависает сзади, вжав руки в карманы. Их взгляды пересекаются. А после участковый снова переводит глаза на меня.

— Ребенка должны передать в медицинское учреждение, — сухо, по-должностному, но в голосе проскальзывает тень усталости. — Там его осмотрят и выявят состояние здоровья. После этого мы обязаны сообщить в органы опеки...

Ярцев не выдерживает, срывается, не дослушав.

— Это моя дочь, какие к черту органы опеки?!

— Гражданин, — тут же осаждает его участковый строгим, как высрел, голосом, — я прошу вас успокоиться... Иначе я буду вынужден составить и на вас протокол.

Я замечаю, как раздуваются ноздри Игоря, как челюсть ходит ходуном, как он еле-еле сдерживается, чтобы не вступить в прямой конфликт. В его взгляде вспыхивает та самая безумная искра, что всегда предшествовала буре. И я понимаю, что сейчас самое время вмешаться мне, иначе будет беда. А лишние эмоции нам точно ни к чему.

Резко встаю со стула, подбегаю к Игорю, хватаю его за руку, пальцы дрожат, будто я держу дикого зверя на привязи.

Вывожу его из кухни, торопливо извиняясь перед полицейским. Прикрываю дверь, чтобы у нашего разговора не было свидетелей.

— Ты должен взять себя в руки, — почти шепотом, но

настойчиво, глядя ему в глаза. — Если будешь вести себя агрессивно, то сделаешь хуже только себе и дочери, Игорь.

— Да он хуйню несет, Аня! — рычит, так, что у меня вибрирует грудь.

Прикладываю палец к губам, шикаю резко, словно отрезаю поток его злости.

— Прекрати! Откуда ему знать, что она твоя дочь? Да, она и правда вылитая твоя копия... Но, увы, Игорь, при ней не было документов, подтверждающих это. А записка... — делаю паузу, сглатывая вязкий ком в горле, — записка ничего не доказывает. Мало ли кто мог ее написать. Сначала органы обязаны установить твое отцовство. Не препятствуй закону, я прошу тебя.

— То есть ты считаешь правильным, что моя дочь, которую я чертовски долго искал, сегодня поедет не домой, а в больницу? — его голос ломается на середине, и это бьет сильнее любого крика.

Он смотрит на меня, явно ожидая поддержки, и его чувства мне понятны до боли. Он в раздрае, как человек, которому только что подарили надежду и тут же отобрали ее. И всё же я не могу подыграть его вспышке.

— Да, Игорь. Ребенка нужно обследовать, — произношу тихо, но твердо.

Он мажет по мне взглядом, в котором слишком много эмоций, и я не могу вычленить главную: злость, отчаяние, обида или страх. Всё намешано.

Я прошу его вести себя спокойнее, и мы возвращаемся к участковому на кухню.

— С ваших слов, девочка ваша, — тот резко поворачивает голову, бросая внимательный взгляд на Ярцева, словно сканирует его внутренности, как детектор лжи. — В таком случае, вы знаете имя матери девочки. Я должен записать.

Отхожу к раковине, чтобы помыть грязную после чая кружку. Понимаю, что сейчас не время заниматься уборкой, но мне нужно отвлечься. Пока Игорь не назовет имя той женщины, с которой он проводил время после нашего расставания.

А кто его знает... Может и во время брака, она тоже была третьей в нашей постели.

Правда, не знаю, что и думать.

Третий раз намыливаю уже идеально чистую кружку. Она скрипит в моих пальцах, намекая, что пора прекратить её терзать. Но руки сами продолжают механично тереть, лишь бы не оборачиваться.

— Андропова Марина Эдуардовна, — звучит за моей спиной.

Он продолжает говорить её год рождения, что-то ещё... Но мне достаточно одного имени.

Кружка предательски выскальзывает из рук, бьётся о края раковины и раскалывается на несколько кусков. Этот звук оглушает меня больше, чем любые слова.

Я замираю, не оборачиваясь. Но чувствую, как взгляд

бывшего мужа прожигает мою спину. Чувствую, как внутри всё сжимается в тугой узел.

Мне не нужно вновь переспрашивать ее имя, хотя участковый просит повторить, чтобы свериться с записями.

Я знаю ее. Знаю ту, которая родила моему бывшему мужу ребенка.

Она даже была когда-то на нашей свадьбе в качестве гостя.

Глава 8. Игорь

Смотрю в глаза участковому, а про себя отчаянно матерюсь. Не идиот понимал, что, даже если приеду к Ане, не заберу девочку, моя бывшая жена всё равно обратится в органы, даже если я и просил этого не делать.

Аня — учительница, она пропитана правилами и дисциплиной. Я не за то, чтобы нарушать... просто я ведь даже и не видел малышку. Она исчезла, и в какой-то момент я смирился с мыслью, что никогда не увижу своего ребёнка. Однако сегодняшний звонок, эта чёртова дымка надежды — и теперь, после того как её запах остался на моём пиджаке, когда я почувствовал её вес на руках и смотрел в эти очаровательные глаза, её заберут. Отнимут уже часть меня и не заметят.

Правосудие есть... хочется в это верить, но органы опеки её заберут до решения. А это значит, что я снова её потеряю и зароюсь в бюрократии, чтобы вернуть.

Слова Ани подействовали, я знаю, что она права. Она всегда была голосом разума во вспышках моего пожара эмоций. Но, чёрт возьми!

Подумываю о взятке для полицейского, но только один его вид даёт понять, что в этом случае бесполезно. Нет этого блеска в глазах, который можно купить. Да и вопрос детей сейчас остро контролируется, а потому и шансов на то, чтобы изменить течение обстоятельств, — нет.

Из мыслей вырывает вопрос участкового о матери ребёнка, и я прикрываю глаза.

Взгляд на Аню, которая отошла к раковине...

— Гражданин Ярцев?

Твою же мать!

Тру лоб костяшками и, наконец, выдыхаю имя, которое пропитано ядерной смесью собственных эмоций.

Как только последняя буква ненавистного имени произнесена, тут же раздаётся звук разбивающегося фарфора.

Конечно, она знает, кто это. Она сама знакомила нас.

Чёрт.

Хочется подойти и объяснить, но полицейский вновь задаёт свои вопросы. Коротко отвечаю, а когда опять звучит вопрос, уверен ли я, что это мой ребёнок, то заявляю, что да.

Снова перевожу глаза на Аню, что застыла статуей у раковины. Звук льющейся воды не прекращается, а в остальном стоит громкая тишина. Полицейский просит документы, мои и свидетельство о рождении...

Снова перевожу на него взгляд и уже знаю, к чему приведёт мой ответ. Тяну ему паспорт, выдерживая строгий изучающий взгляд, а когда он вопросительно повторяет о документах на ребёнка, признаюсь, что их нет.

— Ситуация нетипична, я не видел дочь... — начинаю объяснять, но полицейский резко перебивает:

— Гражданин Ярцев, позже будете давать объяснения. Собирайтесь.

— Куда?!

— Проедем в участок. Вы тоже, гражданка Милованова, — он переводит глаза на Аню, и только тогда она резко оборачивается, — вас сопровождают после визита органов опеки, — добавляет участковый.

— Я... А как же девочка? — задаёт Аня вопрос, который крутится у меня на языке.

Я даже не смотрю на полицейского, не слушаю его формулировок. Зубы сжаты, в груди огненная смесь страха и ярости.

Её заберут. Точно заберут.

— Не наша юрисдикция, органы опеки решат.

— Но... — Аня сама останавливается на полуслове и тихо кивает: — И что будет с ребёнком?

Она словно видит, что я едва удерживаю черту, через которую сейчас мне отчаянно хочется переступить, и делает за меня то, что я должен. Отключив эмоции, трезво оценивает ситуацию, в то время как внутри меня словно баллон с газом, который только и ждёт, что искра долетит до него.

— Медицинское обследование в первую очередь, далее уже ПНД будет искать родителей и определит ребёнка...

Аня переводит на меня испуганные глаза, а я всё же в голос матерюсь.

— Если вы пробыёте по базе, то увидите, что я подавал заявление на мать ребёнка... — чеканю не своим голосом, на что полицейский лишь снисходительно вздёргивает бровь.

— Разберёмся, Игорь Андреевич, не переживайте, — скептически отвечает, указывая мне на выход.

— Я сейчас подойду, — хочу всё объяснить Ане.

— Выходим, гражданин Ярцев, выходим...

Он ждёт в коридоре, а я оборачиваюсь на Аню. Со стеклянным взглядом она смотрит в одну точку.

— Ань... — делаю шаг к ней, на что она резко переводит глаза на меня и медленно качает головой.

— Тебя ждут, Игорь. — Как никогда, её слова будто разрезают воздух.

Категорично, жёстко и непримиримо, что бы я теперь ни сказал.

Глава 9

В участке нас долго мурыжат, по несколько раз проверяют информацию, ищут по базе заявление Игоря.

Мы не пересекаемся с ним даже в одном коридоре — на то есть причины. Я просто этого не хочу. Сбегаю от него по-дальше: то в туалет, то к автомату с кофе.

Когда меня отпускают, прося не покидать в ближайшие дни пределы города, я тут же выбегаю на улицу, ловя порывы ветра.

Нужно добраться до дома, прийти в себя, мысли как-то собрать в одну кучу. Завтра уроки, много дел на работе, контрольная... А в голове только ребёнок и его мать. Ещё и Игорь впридачу.

— Девушка, — молодой парень в форме окликает меня, — девушка, постойте.

Я оборачиваюсь на него, вопросительно вздёргиваю бровь.

— Можно с вами познакомиться? Вы просто мне очень понравились... А я всё думал: подойти или не подойти. Пожалел бы, если бы не подошёл. Я Игнат.

Он протягивает мне руку, а я даже не сразу понимаю, что со мной, кажется, флиртуют. Да и вообще, я забыла, что могу быть интересна мужскому полу.

А тут как гром среди ясного неба... Я в суматохе дней, в

проблемах, выгляжу уставшей и разбитой. А парнишка, явно моложе меня лет на пять, отчего-то решает познакомиться.

— Анна, — хрипло выдыхаю, — я Аня.

И пожимаю его руку в ответ. Он расплывается в улыбке, просит номер телефона, одаривая комплиментом мои глаза и волосы.

Я даже не успеваю как-то продолжить с ним диалог, потому что Игорь абсолютно безрассудно вмешивается в чужой разговор.

Он хватает меня за руку, очень некрасиво, по-собственнически, думая, что имеет право.

Прогоняет паренька, заявляя, что он мой муж. И парню, очень милому и приветливому, ничего не остаётся, как исчезнуть.

— Это было... жестоко.

— Понимаю, — Игорь кивает, — но давай будем честны: не твой уровень.

— А кто мой уровень? — от усталости злости уже нет, зато наружу вырывается смех. Явно истеричный. — Ты, что ли?

— Я хотя бы мог тебе что-то предложить, а он? Зарплату в семьдесят тысяч и однушку на окраине города. Так себе перспектива.

Выдёргиваю руку из его захвата, внутри всё клоочет от несправедливости.

— Мне пора. Надеюсь, что ситуация с дочерью решится как можно скорее и в твою пользу.

Я прячу руки в карманах пальто, каблуки звонко отстукивают по асфальту. Жду, когда смогу скрыться из поля его обозрения. Сесть в автобус, наушники в уши — и скорее домой.

— Ты даже ничего не спросишь у меня?

— Например, что?

Игорь хмурится. Он и правда думал, что я с пристрастием устрою допрос. Однако я демонстрирую безразличие, которое по какой-то причине его ранит.

— Почему твоя двоюродная сестра родила от меня? Или тебе неинтересно?

Ух.

Ну вот он это и озвучил. А гром не разверзся, Земля всё ещё вращается, никто не умер, и люди продолжают жить свою жизнь. Только моя на паузу встала.

— Если уж быть совсем честным, Ань, то она проявляла знаки внимания ещё на нашей свадьбе. Родственники у тебя... так себе.

— Ну раз так себе, чего ж ты её пустил в свою постель? Ещё и ребёнка сделал.

— Были на то причины.

О которых говорить он не намерен, а я не собираюсь спрашивать.

— Игорь, я правда хочу, я даже желаю тебе воссоединиться с дочерью и стать счастливым папой. Но если ты думаешь, что мне тебя жалко, что я готова пожалеть, то ошибаешься.

— Мне не нужна твоя жалость. Мне странно, что ты равнодушна. Вроде как любила...

Ах вот что... Эмоций он моих хочет!

— Вот именно, что вроде как.

Бросаю ему в лицо прежде чем уйти. И благо, он меня не останавливает. Не говорит больше ничего. Отпускает.

Я сбегая. И в первую очередь не от него, а от себя.

Как смело он заявляет о том, что трахнул мою сестру, что у них ребёнок... Слово его слова — пустяк, который не причинит мне боль.

Следующий день начинается с крика в школьных стенах, дети оживлённо делятся событиями, произошедшими за выходные. Я же судорожно проверяю оставшиеся тетрадки с домашним заданием перед началом урока.

В голове всё ещё путаница, но я даю себе время просто привыкнуть к новым обстоятельствам.

Из коридора доносится крик, в котором я узнаю Петрова Олега. Главный задира.

Выхожу в коридор, чтобы уговорить семиклассника, но за меня отлично уже справляются.

Игорь что-то объясняет Петрову Олегу, парнишка кивает, внимая каждое слово, а после хватает портфель с пола и убегает под звонок.

— Я к тебе, Аня. Есть разговор.

— У меня урок.

— Тогда я подожду.

— Не нужно ждать, Игорь... — я прошу детей зайти в класс, обещая вернуться через минуту. Коридор пустеет, и мы остаёмся вдвоём. — Зачем ты пришёл?

— Потому что я явно не справлюсь без твоей помощи. Это очевидно, что ты мне нужна.

— В качестве кого?

Дорогие, всем привет!

У Аси стартовала очень эмоциональная новинка ##

После развода. Ты мне нужна

<https://litnet.com/shrt/Xy7b>

Аннотация:

— Лиза, ты, наверное, сейчас меня не поймёшь. И имеешь на это право. Но... Я так больше не могу, Лиз. Я не вывожу. Нам нужна пауза.

— Нам... — резко вокруг всё застывает. И тошнота. Да, именно она подкатывает к горлу, настойчиво просясь наружу, — Нам это кому?

— Нам с тобой. Посмотри на нас... Два уставших, заколебавшихся человека. У нас интима то нет почти. Кроме детей общих тем нет. Это не похоже на любовь.

— А на что же это похоже?

Слёзы... Ох, как мне сейчас тяжело их сдерживать, но я почему-то держусь. Из самых последних сил.

Мы с мужем в браке семнадцать лет, у нас трое прекрасных детей. И после всего прожитого вместе наша “пауза” превратилась в развод.

Все могло бы так и закончиться. Но спустя полгода после развода он приходит ко мне со словами, что нам срочно нужно вновь стать мужем и женой.

Почему?

Потому что я беременна четвертым.

ЧИТАТЬ <https://litnet.com/shrt/Xy7b>

Глава 10. Игорь

Я искал свою дочь с самого её рождения...и даже раньше, — в который раз я объясняю это сотрудникам полиции.

Откровенно говоря, сдерживать эмоции, удаётся всё хуже и хуже. Чёрт его знает, сколько часов я здесь торчу. Более того, от меня блядь скрывают где малышка. Не могу сказать, что это намеренно, но они не отвечают на мои вопросы.

— Что вас связывало с гражданкой Андроновой...

— Да ну ёб вашу мать... я уже говорил! Мы были вместе! — взрываюсь, ударяя ладонями по столу.

— Спокойнее, гражданин Ярцев. Излишними эмоциями вы только усугубите дело. Говорите, значит, что не знаете место её нахождения, — мотаю головой, хватая бутылку с водой: — Анализы для подтверждения отцовства у вас взяли?

Киваю, а следователь уходит, оставляя меня вновь ждать.

— Покурить выйти я могу? — бросаю ему в спину, потому что здесь задохнуться можно от запаха затхлости и старости.

— Пока да.

Его насмешливый взгляд сейчас последнее, что интересует, но всечч хочется дико.

Выхожу на улицу, вдыхая воздух, и тут же вижу, как Аня стоит с кем-то в форме. Не утихнувшие эмоции тут же рвутся наружу, и я бесцеремонно перебиваю их милейшую беседу.

Пара колких фраз, и её собранность становится последней каплей. Хочу узнать, почему так спокойна, почему молчит. Хочу, чтобы наконец трубу прорвало и мы оба излили все то, что в себе носим. Но Аня абсолютно не разделяет моих воспалённых желаний.

Показывает, как её не волнует, что Марина — мать моей дочери, что она оставила её на пороге, сука, своей сестры.

Врёт же. Любила. Ещё как любила.

Взгляд вверх, где отдаёт сегодня серостью, похожей на питерское небо. И я глубоко вдыхаю.

Любила, Ань. И я ведь любил.

Угрюмые мысли продолжают крутиться и нарастать до тех пор, пока дежурный меня не окликает.

Разминаю шею, выкидывая уже второй или третий окурок, и вновь иду в отдел.

— Долго ещё? Хотите возьмите подписку о невыезде или как там у вас это принято... — злость уже даже и не выходит порывами разгорячённой лавы.

Я просто, мать его, хочу в душ и позвонить одному хорошему человеку с юридической конторы.

— Подписка, конечно же, будет... а пока для вас новости, неутешительные. После всех медицинских осмотров и проверок ребёнок, как правило, остаётся в доме малютки до решения...

— Что?! — бесконтрольно подаюсь вперёд ближе у участковому: — Когда вот я, — говорю тихо, но в этой тишине

есть нечто угрожающее: — Её отец, ищущий её всё это время, у которого есть все блага для её лучшей жизни, вы отправите моего ребёнка в сука, детский дом?! — на последних словах голос превращается в жидкую сталь.

Вроде неопасно, даже, чёрт возьми, заворачивает, но смертоносно, если зальёт.

— Ярцев, — следовательно тоже не промах, встаёт со стула и подходит ближе: — Как только будут собраны факты, подтверждающие твои слова и отцовство, так сразу сможешь увидеть и забрать девочку. Сейчас у тебя два варианта: согласится на этот или второй вариант, который должны согласовать органы опеки — ребёнок останется в том же месте, где её нашли. С той оговоркой, что девушка даже на эту временную меру оформит документально опеку и подтвердит. А в случае если мы найдём мать ребёнка, забрав её под стражу, она должна будет сообщить всё ровно то же, что и ты.

Слушаю это пытаюсь унять тремор в руках. Конечности сводит судорогой от силы напряжения, что сейчас проходит через них.

— Ты слышал? — следак вопросительно вскидывает бровь, а я, глубоко вздыхая, киваю.

— Как договориться с опекой? — задаю прямой вопрос, на что товарищ в форме усмехается.

— Никак.

Собственно, этот ответ я знал. И у меня сейчас остаётся одна последняя надежда.

Утро следующего дня, которое я встречаю на нерве и полном отсутствии сна, я, пытаюсь заглушить собственные сомнения, уже еду к школе Ани.

Ни хрена не уверен, что она до сих пор работает там. Но я ведь всё равно найду её, надо будет под дверью сутками сидеть буду.

Когда спустя десять минут прерий с охраной, я всё же попадаю внутрь, то не составляет труда выяснить какой урок у неё.

Вижу пацанёнка, который явно нарывается, доставая другого школьника. Первый наверно классе в шестом, может, даже больше, а вот второй совсем кроха, первый, ну едва ли второй.

Останавливаю пацана, когда он надвигается на мелкого.

— Так крут, что на малышах отрываешься? — с улыбкой предлагаю вариант: — Попробуй со мной.

— А ты кто такой?! — вызов в каждой букве, и я даже себя вспоминаю в таком же возрасте: — Проходите, дядя, мимо, у нас свои дела, да, Николай...

В шоке слушаю слова этого крутыша, а потом резко дёргаю, хватая за пиджак.

— Я тот, кто тебе расскажет и наглядно покажет, что во взрослом мире делают с такими, как ты... и поверь, это тебе не понравится. Что выберешь: рука или нога? — я говорю это всё абсолютно серьёзно, а пацан явно в штаны наложил, не думал, что буду трогать его.

Отпускаю его, как только вижу, что из кабинета выходит Аня. Он срывается мимо, а я тут же целенаправленно иду к женщине. Чёрт его знает, как буду умолять, но других вариантов у меня нет.

Не хочет говорить, буквально гонит меня прочь своими глазами. Но, увы, Аня, на кону жизнь ребёнка.

— В качестве кого? — звучит от неё прямой и слишком сложный вопрос.

— В качестве опекуна моей дочери...

Глава 11

— В качестве кого? — мой голос звучит холодно и отстранённо, будто говорю не я, а кто-то другой, измотанный и очерстневший. Внутри всё сжимается в тугой, болезненный комок. — В качестве опекуна? Ты действительно решил, что я, после всего, что ты и твоя... твоя Марина сделали с моей жизнью, буду разгребать последствия вашего... вашего... — я ищу слово, достаточно ёмкое и ядовитое, но слова застревают в горле, обожжённые обидой.

Игорь стоит, опустив глаза. Его уверенность, с которой он врывается в мой рабочий день, испаряется, оставляя лишь усталую напряжённость в плечах.

— Аня, я не прошу за себя. Я прошу за неё. У неё нет никого, кроме меня. А сейчас нет и меня. Только ты.

— И что? Я должна? — голос снова дрожит, предательски выдавая смесь гнева и жалости, которую я так стараюсь задавить. — Ты считаешь, что моя профессия обязывает меня спасать всех брошенных детей? Или то, что я когда-то любила тебя, даёт тебе право вечно тянуть из меня соки? Я не хочу это видеть! Я не хочу это слышать! Я хочу, чтобы ты исчез!

Я почти кричу, не заботясь о том, что из кабинетов могут услышать. Слёзы жгут глаза, но я не позволяю им скатиться, сжимая кулаки так, что ногти впиваются в ладони.

Игорь делает шаг ко мне, его рука непроизвольно тянется в мою сторону, но замирает в воздухе, будто он сам пугается этого порыва.

— Я знаю, что не имею права тебя просить. Я знаю. Но...

В этот момент настойчивая вибрация в кармане пиджака разрезает пространство между нами. Я вздрагиваю, машинально сунув руку в карман, чтобы заглушить звук. Не глядя на экран. Не сейчас.

Но звонок обрывается и тут же начинается снова. Настойчиво, требовательно.

Игорь смотрит на меня, и в его взгляде читается та же тревожная догадка, что мелькает и у меня в голове. Кто может звонить так настойчиво в рабочий день? Не мама, мама обычно пишет в мессенджере. Не коллеги — они все здесь.

С предчувствием беды я вытаскиваю телефон. Незнакомый номер. Словно отвечая на мою мысль, Игорь тихо шепчет:

— Опека...

Я сглатываю и провожу пальцем по экрану.

— Алло? — голос звучит сипло и неуверенно.

— Гражданка Милованова Анна Сергеевна? — на том конце провода женский голос, официальный и безличный.

— Да, я.

— С вами говорит специалист органа опеки и попечительства по вашему району, Иванова. Мы связываемся с вами по вопросу ребёнка, обнаруженного вами накануне.

Я закрываю глаза. Игорь замирает, не дыша, всем телом вслушиваясь в тишину, из которой доносится лишь слабый треск телефона.

— Ребёнок проходит первичный медицинский осмотр, состояние удовлетворительное. В соответствии с регламентом, мы готовим документы для его перевода в специализированное учреждение для дальнейшего содержания.

Игорь сжимает кулаки, его губы белеют.

— Но, — продолжает женщина, и в её голосе появляются нотки деловой спешки, — учитывая заявление гражданина Ярцева И.А. об установлении отцовства и ваши показания, у нас есть юридическая возможность передать ребёнка на временное попечительство до решения суда. По месту его обнаружения. То есть вам.

У меня перехватывает дыхание.

— Для этого вам необходимо в течение двух часов прибыть в детскую городскую больницу №3, предъявить паспорт и написать соответствующее заявление. В противном случае, ребёнок будет переведён в дом малютки. Вы меня поняли?

Два часа. Заявление. Временное попечительство. Слова гудят в голове, не складываясь в смысл. Я смотрю на Игоря. Он смотрит на меня, и в его глазах уже не просьба, а отчаянная, всепоглощающая мольба. Он всё слышит.

— Гражданка Милованова? Вы на связи?

— Да... я... я поняла, — выдавливаю я.

— Ждём вас до трёх часов дня. В случае неявки считайте,

что вопрос решён в ином ключе. Всего доброго.

Щелчок. В ушах звенит тишина. Я медленно опускаю руку с телефоном, не в силах оторвать взгляд от Игоря. Он уже не умоляет. Он просто ждёт. Приговора. Оправдания или смертного приговора его надеждам.

В коридоре слышатся чьи-то шаги и детский смех — видимо кто-то прогуливает урок.

— Ну что, Анна Сергеевна? — тихо спрашивает он, и в его голосе нет ни капли надменности или уверенности. Только пустота. — Каков ваш вердикт? Отправить мою дочь в систему? Или... дать ей шанс?

Я делаю глубокий вдох, глотая воздух, который кажется густым и тяжёлым, как сироп. В голове проносятся лица: равнодушное лицо участкового, уставшее лицо женщины из опеки, доверчивые глаза девочки... и глаза этого человека передо мной, в которых угасает последняя искра.

Я ненавижу его. Ненавижу Марину. Ненавижу ситуацию, в которую они меня втянули.

Но ребёнок ни при чём.

— Я... я должна предупредить директора, что уезжаю, — с трудом выговариваю я, и мои ноги сами несут меня прочь от него, к учительской.

Я не смотрю на его реакцию. Боюсь увидеть там облегчение или, что хуже, надежду.

Потому что я ещё сама не знаю, что делаю. Я просто иду, повинаясь какому-то древнему инстинкту, который сильнее

гордости, сильнее обиды и сильнее страха снова быть обманутой.

Решение принимается за меня. Времени на раздумья не остаётся. Остаётся только действовать.

Глава 12

В машине гнетущая тишина. На самом деле я до последнего надеялась, что, получив своё, он исчезнет. Будет ждать моего звонка, когда я закончу с бюрократией.

Но, было бы глупо надеяться. Первое — речь о его дочери. Второе — речь о его грудной дочери. Иных причин быть не может, почему мы вдруг оказались в одной машине после того, как он уложил мою жизнь на лопатки.

В его сторону не смотрю. Веди себя так, будто ты в такси, говорит мой внутренний голос. И я упорно смотрю в окно, хоть и шея уже затекла.

Между нами огромная дыра, ощущение даже, что её видно. Она словно поглощает нас, и тут же отпускает. Как живая тень.

Взгляд падает на время, я обещала в школе, что вернусь, но мы уже едем около часа. Нервозность даёт о себе знать, и я сама не замечаю, как тереблю ручку своей сумки.

— Ань, ты пойми, я не специально, — вдруг разносится в салоне, а я застываю, безмолвно задавая вопрос.

Не специально что? Спал с моей родственницей? Или то, что пришёл просить за ребёнка?

Но ему я не озвучиваю, считаю, что ни к чему этот пустой трёп, как говорят мои старшекласники. Для чего касаться того, что и без твоих движений постоянно напоминает о се-

бе. Раньше фантомно, теперь же наяву, сидит рядом и говорит с тобой.

— Ты — моя единственная...

— Не надо.

Резко перебиваю, оборачиваясь на него. Тон и вид как будто я ругаюсь на учеников с последней парты, однако...

— Не нужно говорить со мной, идёт? Я сейчас делаю это ради девочки. Всё остальное — излишне.

Игорь не смотрит в ответ, тогда как я прожигаю его взглядом. Его лицо чётко параллельно лобовому стеклу, а руки напряжённо держат руль.

— Я тебя понял, — наконец он даёт реакцию: — Но как ты себе это представляешь?! — мимолётный взгляд со вздёрнутой бровью: — Если они примут документы, оставят ребёнка у тебя... Действительно считаешь, я на этом скажу тебе спасибо и свалю восвояси?

Отворачиваюсь сама, потому что тогда, когда меня вынудили принять решение, я не думала о тех последствиях, которые затронут лично меня. Тогда волновала судьба невинного ребёнка, а о себе, в который раз, я забыла.

Также, наверное, было и в нашем браке. В какой-то момент о себе я забыла. И вопрос не в том, что я не следила за собой, или отказалась от собственных желаний. Я отказалась от того, чтобы искренне быть важной для себя. Важен лишь был человек рядом. Я всегда думала о том, как бы было Игорю хорошо...

Дурочка ли? Безусловно.

— И что ты предлагаешь, Ярцев? Поиграть в семью, раз блудной матери, как я понимаю, не шибко девочка нужна?!

Усмешка и язва так и сочится из моих слов, а Игорь лишь сильнее сжимает челюсти и разминает шею. Будто это спасёт его от нелюбезной правды. Какой бы она ни была.

— Мой адвокат уже изучает возможные способы...

— Я спросила не про адвоката.

— Ань, — он резко тормозит и вполборота поворачивается ко мне.

Взгляд полон раздражения, усталости и горечи. Выдерживаю его с решимостью добиться ответов. Ощущение, что вокруг слышен треск искр, будто сейчас секунда и всё здесь вспыхнет. Из нас обоих в эту секунду выходит полный спектр ненависти, демонстрируемый глазами, позами и мыслями.

— Я не знаю, — цедит он: — Я пока ни черта не знаю. — по мере его слов громкость голоса увеличивается: — Думаешь, я был готов к такому?! Готов к тому, что она...блядь!

Он резко отворачивается, ударяя со всей силы по рулю, а потом откидывается на спинку.

Вздрагиваю от его неожиданной вспышки, но не позволяю себе испытывать ничего, кроме уже привычных эмоций.

Мне не жаль его. Ответ судьбы или удар от жизни... Как ни скажи — итог один. Бумеранг за то, что он предал и меня, и себя, и свои слова.

— Поехали, — в конце концов, коротко озвучиваю я ему, вновь отворачиваясь к окну: — Если опоздаем, ты не увидишь свою дочь ещё очень долгое время.

Глава 13

Стерильный, сладковато-горький запах больницы вьелся в одежду, в кожу, в самые извилины мозга. Кажется, я буду чувствовать его еще неделю. Но это ничто по сравнению с тяжелым, теплым, уснувшим комочком на моих руках.

Ее щека прижата к моей груди, маленькие ресницы, влажные от недавних слез, дрожат во сне. Она засыпала на последних каплях смеси, которую нам выдали вместе с кипой памяток и строгими напутствиями. Я держу ее так, будто она из хрусталя и тончайшего стекла, боясь сделать лишнее движение, вдохнуть слишком громко.

Игорь идет рядом, молча неся сумку с памперсами, смесью и парой распашонок, нашим скудным, но таким ценным приданым. Его плечо иногда почти касается моего, и каждый раз по спине пробегает ток — смесь паники и чего-то старого, глубокого, того, что я закопала давно и сейчас отчаянно пытаюсь закопать снова.

Мы идем по длинному, бесконечному коридору к выходу. К свободе. К моей квартире, которая теперь на неопределенное время станет домом для меня, для него и для этого ребенка. Все уроки на сегодня отменены, завуч ругается, а мне и нечего ответить...

Мысль настолько чудовищная, что мозг отказывается ее обрабатывать. Я просто иду. Шаг за шагом. Дышу. Чувствую

вес малышки на руках.

Бумага о временном опекунстве жжет карман моей куртки. Хлипкий, ненадежный щит против системы. Всего лишь отсрочка.

Мы почти у выхода. Уже видна стеклянная дверь, за которой серый, но такой желанный уличный воздух, свобода от этих глаз, от этих вопросов, от этого давящего чувства чего-то неопределенного.

Игорь вдруг останавливается, заставляя и меня замереть. — Стой, — его голос тихий, хриплый. — Шнурок развязался. Не хватало еще понестись кубарем с ребенком на руках.

Он приседает, чтобы завязать шнурок на ботинке. Я стою над ним, наблюдая, как его сильные, привыкшие к другой работе пальцы ловко завязывают узел. Такая простая, бытовая сцена. А от нее сжимается горло. Сколько таких сцен было в нашей прошлой жизни? Миллион. Он чинил розетку, я стояла рядом и держала фонарик. Он нес тяжелые сумки, а я открывала дверь. Мы были командой. Мне казалось, что нерушимой.

Как же я ошибалась.

Игорь поднимается, его взгляд скользит по мне, по спящей Амелии. В его глазах невысказанная буря. Благодарность, которую он не решается озвучить, стыд, усталость, ответственность, гора которой рухнула ему на плечи.

— Держу пари, ты сейчас представляешь, как запираешь-

ся в ванной и кричишь в полотенце, — говорит он вдруг, и в углу его рта дробится что-то похожее на улыбку. Несмелая и уставшая.

— В полотенце — это слишком банально, — парирую я, и мой собственный голос звучит неожиданно спокойно. — Я уже присмотрела себе кричащий шкаф. Просторно, эхо хорошее.

Он издает короткий, сдавленный звук, не то вздох, не то смешок, и проводит рукой по лицу.

— Спасибо, Аня. Я... Я знаю, что эти слова ничего не значат. Но я их говорю.

— Не стоит, — отрезаю я, резче, чем планировала, и снова обращаю взгляд на дверь. — Давай уже уйдем отсюда. Я ненавижу эту больницу.

Он кивает, и мы делаем последние шаги к выходу. Его рука тянется к ручке тяжелой стеклянной двери.

И в этот момент мир взрывается.

Дверь распаивается изнутри с такой силой, что Игорь едва успевает отпрыгнуть, прикрывая меня и ребенка собой. В проеме возникает мужчина.

Ему лет сорок, не больше. Одет хорошо, но небрежно — дорогая куртка нараспашку, дорогие же джинсы, словно он в спешке натянул на себя первое, что нашлось в гардеробе. Его лицо бледное, осунувшееся, глаза лихорадочно блестят. В одной руке он сжимает скомканную бумагу, другой он уже жестом устраняет дежурную администратора, которая пы-

тается его остановить.

— Где они?! — его голос гремит под сводами коридора, звенящий от адреналина и ярости. — Где опека? Я требую немедленно!

Он озирается, и его взгляд падает на нас. Вернее, на меня. На ребенка у меня на руках. Его глаза сужаются.

Что-то ледяное и тяжелое падает мне в желудок. Я инстинктивно прижимаю Амелию ближе, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Она кричит во сне, недовольная давлением.

Игорь выходит вперед, его плечи напрягаются, поза становится защитной, готовой к конфликту.

— Вам что-то нужно? — голос низкий, предупредительный.

Незнакомец не удостоивает его взглядом. Он видит цель. Он проносится мимо, к двери, которую мы только что покинули. Он не стучит, а бесцеремонно врывается внутрь.

Мы застываем как вкопанные. Из-за двери доносится его громкий, срывающийся голос.

— Я получил результат! Смотрите! Читайте, если не верите!

Тихий, пытающийся урезонить его голос женщины-специалиста, которая только что выдала нам наши документы.

— Успокойтесь, гражданин, объясните...

— Объясню! — он почти кричит. — Я биологический отец этой девочки! Я требую немедленно прекратить этот

цирк и отдать мне мою дочь!

Слово «биологический» режет воздух. Оно такое громкое, такое окончательное.

Я медленно, очень медленно поворачиваю голову к Игорю.

И замираю.

Его лицо... Боже, его лицо. Оно абсолютно пустое. Белое, как больничная стена. Все мускулы расслаблены, будто удар был настолько сильным, что выбил из него все — и душу, и разум, и способность чувствовать. Он не дышит. Он просто смотрит в ту дверь, широко раскрытыми глазами, в которых нет ничего, кроме полного, абсолютного недоумения.

Он выглядит потерянным. Совершенно потерянным. Таким я его никогда не видала. Ни в ссорах, ни в моменты краха его бизнеса, ни в день, когда я уходила. Это не боль. Это — уничтожение. Стирание фундамента, на котором он только что стоял.

Амелия тихо вздыхает у меня на груди, погруженная в беззаботный сон. Она не знает, что ее мир, который только начал обретать хоть какие-то очертания, снова рушится. Что вокруг нее ломаются жизни, рушатся стены, и двое взрослых людей, которые должны ее защищать, застыли в коридоре больницы, парализованные одним-единственным словом.

Глава 14. Игорь

Ощущение, что я нахожусь в каком-то параллельном мире. Там, где единственная сегодняшняя цель — добить и без того шаткое состояние.

В этом мире

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.